

Талантливый коллектив

(Гастроли Московского Государственного цыганского театра „Ромэн“ в Смоленске)

Тяжела и бесысходна была доля цыган в царской России. Великая Октябрьская социалистическая революция дала счастье обездоленному народу, приблизила его к творческому созидательному труду, надежда на великими правами свободных советских людей

По существу иной, капиталистический мир, в котором цыганский народ попрежнему гоним и преследуем, подвергается насилию, издевательствам.

Центральная тема репертуара Московского Государственного цыганского театра «Ромэн» — решительное расставание с прошлым, утверждение социалистической жизни. Каждый спектакль театра, — чем бы он ни рассказывал, — о временах, давно прошедших, или о сегодняшнем дне — проповедь идей борьбы нового со старым.

Этот процесс борьбы нового с отжившим, умирающим ярко показал в пьесе цыганского драматурга Н. В. Урусова «Сломанный влут».

В старом цыганском быту внут был символом неограниченной власти старшины, державшего у себя в лапале весь табор. Поэтому один из главных персонажей песни — румынский цыган Бруно, бывший таборный старшина, деспот и садист, предавший в дни войны фашистам своих сородичей, бежавший от

гитлеровского из Румынии в Советскую Молдавию, захватил с собой кеут как символ бывшей власти. В тщетной надежде встретить мочущихся цыган, он мечтает о том, как с помощью клуша слова станет старшиной, вновь будет держать белыхлов в страхе и повиновении. Ноша же кеут запрятан за пазуху, так же, как скрыто пропащее, — никто здесь не знает, кем был Бруно в Румынии.

Однако, где найти бездомных бродяг-железячников? Их нет в Молдавии, нет во всем Советском Союзе. Культурной, за-

житочной, оседлой жизнью живут здесь цыгане. Старый Разро, его дочь Стэма, Алек и другие, решительно порвали с бродяжничеством. Сын Стэмы, молодой Чанго,—советский офицер, летчик, дочь Витора — актриса.

Как лок в лисий шкур, бродит
Бруно в поисках несуществующего та-
бора и, наконец, хочет бежать из СССР,
как раньше бежал из Румынии. Актный
агист и подлый продавец лютый ненави-
стым ненавидит советских людей с их
повым, половобливым общественным
строем. Совершая побег, он пытается
заставить последовать за собой своих де-
ду Сарту — честную деулулу, воем серд-
цем потянувшегося к Робру, Стме, Ви-
торе, Чяно. Юную цыганку берет под
свою защиту друг Чяно — русский
воя, ставший соком Саша, который
и разоблачает Бруно, передает его в руки
правосудия. Кнут деспота самая сла-
бость: ружьями советского русского Чяно

Тема борьбы за новое, хотя и в других обстоятельствах времени, места, действия, раздается в пьесе другого цыганского драматурга И. И. Ром-Лебедева «Дочь шатрова».

Автор не называет страны, где происходят разглагольствующие на сцене события. Но Балканские горах — давольночет замечает он. Но зрители знают, что это Югославия. Но купцы устроители захватили в свои руки власть, установили фашистский кровавый режим, прозвали интересы своей страны американским бизнесменам. Здесь зрители близкие душе людей доброй воли светлое слово смерти, тут запрещают даже думать о том, о чем честному человеку не думать невозможно — о светоте мира — Москве.

В горы пришлось бежать голодному илалысту дружному табору смеюго Матласта. Матласте давал у себя приют бегавшему из тюремного застенка, тяжело раненому охраннику, борцу за мир — Циноти Ратолобу. Сюда же обманчивым путем, прикинувшись выжбыленным в дочь шатор — в бесстрашную красавицу Ирку, пробирается матерый шпион и провокатор Якопец Чадомир. Жандармская шпелла стремится во что бы то ни стало задержать составленный Циноти список изменников, приговоренных попольным революционным трибуналом к смерти. Но лапырысы немски Чадомирэ. Список в верных руках. Преступники не избежут уготованной им кары, как не

пожежал ее и сам Ятлонж, получивший справедливое возмездие от той, которую обманул, хотел превратить в орудие своих гнусных замыслов, — от преданной друзьям и беспощадной к врагам Ипки.

Два других из четырех рецензируемых спектаклей театра содержанием своим имеют дореволюционные прошлы, но тоже раскрывают процессы борьбы нового со старым. Пусть в те времена новое еще оказывается слабее старого, пусть оно терпит поражение, ход истории неминуем — отживающее отживает, грядущая победа парад неоспорима.

Да, Грушенька — героиня одноименной драмы (по повести Лескова «Очарованный странник»), подобно Катерине из «Грозы» Островского, находит жизнь самоубийством, но в трагической смерти этой женщины — суровое осуждение миру «холода жизни». Будущее не за ними.

Превосходство народа над своими работниками является основой остроумной комедии «Четыре жонглы» (автор Н. В. Хрусталив), в которой показы-

дается, как смеялка и выдумка народная берет верх над обмантыми комбинациями богача Шмырки.

Было бы несправедливым не замечать серьезных недостатков всех трех пьес, а также типичных для повести Лескова. Схематичны многие образы, не оправдали некоторые ситуации. Так, например, неправдоподобна организация Лескова нового табора, в который якобы переходят все дикаре Шимырки. Эта компоновка комедии «Четыре жениха» нелепая, ее опирается на правду жизни того времени.

В «Славыином кнуте» один из центральных образов — образ Саши, в котором должны были проявиться все качества замечательного русского характера, человека, у которого пытался учиться борьбе и жизни, выпящая драматургии сухо, представляет собой бедную схему. Говорит Саша языком казенным, невыразительным.

Теоретическому коллективу, руководителю театра следует более вдумчиво работать с драматургами, быть требовательнее к ним.

Романовичи стремятся к высокой культуре своего слектажера. Учитель у Московского Художественного театра, овладевая системой Станиславского, творчески коллектив в то же время сохранил свою самобытность, оригинальность, свой художественный почерк, отличительная черта которого — ярко выраженная романтичность. Речь идет, конечно, о романтизме революционной, нового типа, в который творец Куданов говорит, что она не только не чужда нашему искусству, но должна входить в него обязательной составной частью.

Система театра по-настоящему патристична. Выразительны живая речь. Вот, например, сцена смерти Даноти в спектакле «Дом патрона» (постановка главного режиссера театра, засл. арт. РСФСР профессора П. С. Саватеева). Грозным эхом раздается в горах греч. ярким яршимым вскрикуют моряки — нос это скрывается с предсмертным криком Радошова, который не имеет права умереть, но выполняет поручение тола-

рищей-революционеров, не передав списка предателей в верные руки. Когда же долг выполнен, а смерть наступила, преследованию звучит прощальная песня цыган, и платит женщина, как замена, продолжают в последний путь героя.

Выразительно поставлен безмолвный диалог Грушеньки и Дмитрия в спектакле «Грушенька» (постановщик засл. арт. РСФСР В. Н. Верников). Табор поет веселые песни, развывая омерзительную страсть к князю. Поет Грушенька и Дмитрий и в то же время ведут разговор глазами, — это приметным поворотом головы, незаметным взмахом руки... Песня γίνεται мелким, но полным смысла движением.

Режиссура театра (П. С. Саратовский, Ю. Г. Шелищанов, Т. А. Кондрахов, Н. В. Воронцов) умеет раскрыть идейный замысел пьесы, найти для него выразительную художественную форму, применяя при этом выдумку, изобретательность. Музыка (композитор С. М. Бутаченский) органически соединяется с действием, диалог летит и свободно переходит в пение, пение — в пляску, а пляска — в балетмейстеры И. И. Случков, Н. В. Ирустамов, Б. С. Холщип, включая в светские пародные пляски, мастерам подчиняют их сюжетному замыслу.

Большое питание удалено художественному оформлению спектаклей (художники laureаты Сталинских премий В. Г. Косилов, В. В. Дмитриев и др.). Привлекают своим красками пейзажи, на фоне которых развивается действие, радует глаз то вкусом подобранные пестрые костюмы.

Как и в каждом театре, самый ценный капитал романистов — авторы, опытные мастера и талантливая молодежь.

Удочей заса. арт. Н. И. Рой-Лебедина
является его исполнение роли князя
(Грушенька). С большим тактом от-
правляет он сценические средства — ску-
дой жост, зловещие движения, умело
раскрывает полную душевную пусто-
тность барина

Засл. арт. РСФСР М. В. Сиворцов

в сравнительно небольшой роли старой цыганки Чарту, несмотря на недостатки текста, сумела создать яркий, надолго запоминающийся характер.

длая Черпала, как всегда, соединяет глубокую психологическую разработку образа с острой, полной экспрессией формой. Это в равной мере относится к роли показывающих антропной ролей — Никла («дочка патрона») и Грушевича. Своеобразно, но тоже сохраняя оптимистическое внутреннее лицо, играет Грушевичу Н. К. Михайлова.

Большим искусством первоначального
обладает Е. Е. Яновский. Если в «Четырех
пенниках» он играет обязательного,
веселого, умилого и ловкого князю Визан-
то в «Сказанном Куте» им создана от-
растительная, обреченная фигура старого
преступника Бруно.

Из старшего поколения актеров следует отметить мастерство С. Ф. Пиншова (Дмитрий — «Грушевка», Матвей — «Дочь пастора», Левка — «Четыре жениха», Чанго — «Сломанный ящик»), И. В. Хрусталева (Рабра — «Сломанный ящик») и другие.

Правильно делает театр, сильно выставляя молодую актерскую труппу. Современного внимания заслуживают одаренная артистка Ольга Петрова, замечательный артист в роли Зорьки («Четыре женщины») и Витория («Самозваный князь»). Сложный образ Сары в «Самозванце» артистка способна оживить Ольга Яковлева. Есть, однако, и спектакли с серьезными недостатками. Главным из них — совсем недостаточное внимание к танцу, к пластике иногда всерьез бьются мимиче-

В спектакле «Четыре женщины» театр бивается порой на опереточные штампы, чисто развлекательные трюки. В «Долгой шатраве» исполнители и режиссер оказывают иногда соблазну особо популярному «эффекту» изнанки. Режиссура как бы выворачивает внешним разворотом забытую о соотнесении.

Преодолеть эти недостатки — значит
способствовать дальнейшим успехам
театра.

Г. ВЕНРАМИНОВ